

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ПРИХОДЬКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры древних
языков исторического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ло-
моносова (Москва, Российская Федерация)
aristonica@list.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ЭЛЛИНОВ О БУДУЩЕМ В ЗЕРКАЛЕ МАНТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

А н н о т а ц и я . Ставится задача выявить и обобщить представления древних греков о будущем, для чего привлекаются результаты многолетнего изучения литературных и эпиграфических источников по древнегреческому мантическому искусству. Это изучение включает в себя общую оценку смысла описываемых в литературе событий, связанных с ситуацией обращения к оракулу, рассмотрение принципа построения оракульных контекстов, а также лексико-семантический анализ обслуживавших мантику терминов. На основании материала периода архаики и классики сформулированы три главных тезиса, отражающие те основополагающие принципы, в соответствии с которыми эллины оценивали будущее и строили с ним свои отношения: два вида будущего (одно – конкретное, свое, ближайшее и второе – неопределенное, чужое, далекое); неписанный запрет на вопрошение о будущем; невозможность изменить будущее, прозвучавшее в качестве совета. Затем с расширением временных рамок формулируется четвертый тезис, отразивший развитие этих представлений в период Римской империи в малоазийской астрагальной мантике: описание будущих событий соединилось с выраженным в виде приказа советом, образовав недетализированное преподнесение будущего в нарративно-императивной форме. Каждый тезис оформлен как вывод с кратким добавлением иллюстративного материала.

К л ю ч е в ы е с л о в а : представление о будущем, мантические термины, Дельфийский оракул, хресмологи, вопрос оракулу, ответ оракула, малоазийский оракул по пяти астрагалам, алфавитный оракул

Д л я ц и т и р о в а н и я : Приходько Е. В. Представления древних эллинов о будущем в зеркале мантического искусства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.883

ВВЕДЕНИЕ

Мысли о будущем – ближайшем или далеком – сопутствуют людям в течение всей их жизни, и каждый человек, исходя из своих религиозных, культурных и нравственных позиций, строит свои отношения с будущим. В истории разных народов определенные представления, свойственные подавляющему большинству общества и им исповедуемые, выходят за рамки личного восприятия и закрепляются в признанных нормах поведения, религиозных обрядах, а также в обслуживающих их понятиях и терминах. Внимательное изучение этого материала нередко позволяет очертить систему верований даже очень удаленных от нас по времени народов, не оставивших готовых трактатов с изложением своих взглядов на проблему будущего.

Многолетняя работа с источниками, раскрывающими с разных сторон древнегреческое искусство прорицания, или мантику, – как с позиций лексико-семантического анализа терминов

и изучения синтаксической структуры оракульных контекстов, так и с позиций истолкования общего смысла описываемых в литературе событий, – дает нам возможность обобщить результаты ряда наблюдений и сформулировать несколько принципов отношения эллинов к будущему – именно тех принципов, которые были заложены в основу функционирования этого искусства. Иными словами, разные исследования, проведенные нами в последние десятилетия, позволили сложить из этих отдельно изученных пазлов целую картину древнегреческих представлений о будущем, что стало возможным лишь благодаря обобщению на более высоком уровне всего наработанного материала. Предлагаемые в данной статье выводы публикуются впервые, а их ценность и научная новизна заключаются в том, что никто из исследователей не ставил прежде перед собой подобную задачу, хотя в целом направление изучения мировоззрения древнего мира на основании лексико-се-

мантического анализа уже стало, особенно после выхода в свет труда Р. Онианса [7]¹, одним из важных направлений научных исследований.

ТЕЗИС ПЕРВЫЙ

В восприятии древних эллинов будущее делилось на два вида. С одной стороны, было представление о ближайшем будущем: его место и временные рамки осуществления были хорошо известны группе заинтересованных лиц, для каждого из которых в этом будущем была очерчена своя линия поведения. С другой стороны, было представление о некотором неконкретном будущем, временном потоке, который когда-то и где-то должен будет вынести к воплощению то или иное событие. К этому выводу нас склоняет существование в древнегреческом языке двух терминов для обозначения прорицателей. Самым привычным и самым распространенным термином уже с поэм Гомера был термин *μάντις*. Мантисом, или «ведун», если попытаться перевести это слово, эллины изначально называли пророка, обладавшего даром воспринимать божественные откровения и умением передавать их окружающим его людям. Такими пророками были Тиресий, Амфиарай, Калхант, Гелен, Феоклимен, Иам, Мопс и другие. Также мантисами почитались возвещавшие изречения бога жрецы и жрицы прорицалищ: например, дельфийские Пифии, жрицы святилища Аполлона в Патарах, жрецы святилища Аполлона Птоийского и т. д. Правда, постепенно этот термин как бы разбух и стал обозначать любого человека, занимавшегося мантическим искусством, вплоть до обычного гадалея. Но для нас сейчас важно другое. Мантисы всегда возвещали прорицания в ответ на поставленный вопрос и непосредственно заинтересованной в их получении аудитории. То есть при возникновении проблемы люди обращались к мантису и получали благодаря его пророческому дарованию божественное откровение, адресованное именно им и затрагивающее расклад именно их ближайшего будущего или даже настоящего с переходом в будущее. Мантисы никогда не предсказывали отдаленных по времени событий, все их изречения должны были исполниться еще при жизни собеседников [1: 30–68].

Как пример одного из долгосрочных предсказаний можно вспомнить слова Калханта, истолковавшего войску ахейцев посланное Зевсом знамение. Когда воины, пристав к берегам Трои, стали приносить богам гекатомбы, им явилось великое чудо: из-под алтаря выполз страшный дракон с багрово-красной спиной и устремился к платану,

на верхней ветке которого сидела воробиха с восьмью птенцами; дракон сожрал и птенцов, и их мать, после чего Зевс превратил его в камень. Тайный смысл столь необычного знамения смог разъяснить пораженному войску только мантис Калхант. Он предсказал, что ахейцам суждено девять лет сражаться у стен Трои, и только на десятый год город Приама будет разрушен (II. II 305–330). Перед нами типичное пророчество мантиса: оно открывает перспективу в будущее от настоящего момента и говорит о судьбе тех, кто с личным интересом внимает словам Калханта.

Однако древние эллины создали и другой термин для обозначения пророка – *χρησμολόγος*, собственно, «говорящий пророчества». Необходимость введения этого термина была обусловлена именно тем, что пророческий дар хресмологов и направленность их деятельности принципиально отличались от того, что было свойственно мантисам. «Никто из мантисов не был хресмологом»², – утверждал Павсаний (I 34, 4). Хресмологи, согласно Аристотелю, – «свидетели о будущем» (Rhet. I 15, 14), которые «не ограничивают, когда [сбудутся их пророчества]» (Rhet. III 5, 4), и в своих пророчествах они, как уверяет Гераклит, «достигают тысячи лет» (22 В 92 DK). Иными словами, хресмологам были открыты грядущие события, уходящие в будущее на много столетий вперед; переходящее в будущее настоящее их не касалось. У хресмологов не было своей аудитории, их никто не вопрошал, и они никому не отвечали. Они бросали в мир информацию о том, чему суждено было случиться, но не снабжали ее временной конкретностью, которой, возможно, и сами не обладали. Прославленными хресмологами древности эллины почитали Мусея, Бакида, Сивилл, Лисистрата Афинского. Их пророчества собирали в книги, изучали и пытались связать с тем или иным современным событием. Хранителей таких собраний тоже стали называть хресмологами. Когда городу грозила опасность, жители, стремясь получить спасительный совет, не только посылали посольства в Дельфы и другие прорицалища, но и обращались к хресмологам-хранителям в надежде найти среди древних пророчеств изречение о сложившейся в их отечестве ситуации. Нередко предсказания хресмологов становились понятными только *post factum*. Так, Геродот рассказывает, что, когда после Саламинской битвы обломки кораблей были принесены западным ветром к мысу Колиада и местные женщины стали собирать их на дрова, открылся смысл пророчества Лисистрата Афинского: «А колиад-

ские жены на веслах поджаривать будут» (VIII 96) [1: 268–281].

Таким образом, терминологически закрепленное деление пророков на мантисов и хреспологов было основано на содержательной стороне их пророчеств, отражавшей своеобразие их высшего дарования, и вытекающих отсюда отношениях пророков с окружающими их людьми. Следовательно, эллины четко воспринимали различие между тем будущим, которое принадлежит лично человеку и его роду и происходит из его настоящего, и тем будущим, которое как единый временной поток уходит за горизонт тысячелетий и несет с собой бесчисленное число событий, то есть между индивидуальным будущим и будущим общечеловеческим.

ТЕЗИС ВТОРОЙ

Древние эллины считали знание будущего прерогативой богов³. Боги были вправе по своей воле открывать людям отдельные эпизоды грядущего. При этом сам человек мог претендовать на получение хотя бы крошечной частицы этого знания только под давлением непреодолимых обстоятельств, а праздное любопытство в этом вопросе каралось наказанием.

Возможно, этот тезис сразу вызовет недоумение. Всем известно, что в материковой Греции и в Малой Азии функционировало много прорицалищ богов, куда постоянно обращались с вопросами как правители, так и простые люди [3], [4], [8], [9]. А дальше обычная бытовая логика подсказывает нам, что они в первую очередь интересовались своим будущим. Но вот здесь-то и кроется главное современное заблуждение. Если проанализировать вопросы, с которыми эллины обращались к оракулам, то среди них вопросов о будущем оказывается крайне мало⁴. Эллины искали у богов не откровений о своей судьбе, не подробностей уже предназначенных для них событий, а дельных советов и мудрых наставлений. Через своих оракулов Аполлон и другие боги не предсказывали, а напутствовали, воспитывали и вразумляли. Именно поэтому традиционной формулой вопрошения оракула, засвидетельствованной как в литературе, так и в эпиграфике, стал вопрос: «Будет ли мне выгоднее и лучше совершить вот это?» или «Будет ли мне, делающему вот это, выгоднее и лучше?». Ответ оракула в таком случае тоже строился на основании этой формулы. Так, согласно Ксенофону, Ликургу, придя в Дельфы, «вопросил бога, выгоднее и лучше ли будет Спарте, повинующейся тем законам, которые он установил» (Лас. VIII 5). Плутарх сообщает, что по замыслу

Лисандра Силен должен был прочитать в присутствии многих изречение Дельфийского оракула о царской власти, что «лучше и выгоднее будет спартанцам, выбирающим царей из самых достойных граждан» (Lys. 26, 3). А в надписи из Эпидавра сказано:

«Исилл поручил Астилайду спросить в Дельфах о пеане, который он написал в честь Аполлона и Асклепия, лучше ли будет ему, вырезавшему [на мраморе] этот пеан, и бог ему возвестил, что ему, вырезавшему этот пеан, будет лучше и сейчас, и в последующее время» (IG IV² 1. 128. 32–36).

Обращаясь в прорицалища, люди выносили на суд бога свои уже обдуманнные планы, для осуществления которых требовалось божественное одобрение – а бог мог и благословить, и запретить, – или, наоборот, свои сомнения и неуверенность, дабы бог указал правильный путь. В каких-то случаях человек просто спрашивал, как ему поступить в сложной ситуации, даже не предлагая своего видения допустимых вариантов. Правильно поставленный вопрос обеспечивал просителю получение именно того ответа, который был необходим для решения его проблемы. Неслучайно каждого входящего в дельфийский храм встречала надпись: «Познай самого себя!» – то есть на самом обычном бытовом уровне это означало:

«Остановись, подумай. Ты хочешь обратиться к Аполлону. Ты осознал, что для тебя в данный момент самое важное? Ты готов задать именно тот вопрос, который нужен тебе и сейчас?»

Никакое правило не существует без исключений, и вопросы о будущем в храмах тоже звучали. Это случалось нечасто и преимущественно из-за самоуверенности, праздного любопытства или глупости. Если, не имея на то серьезного основания, человек рвался к божественному знанию о будущем и, сам того не осознавая, приравнивал себя к богу, то и получаемое в ответ прорицание требовало от него особой мудрости для его расшифровки – мудрости, которой у таких просителей как раз и не было. Обычные изречения оракулов были четкими и вполне ясными – бог наставлял свой народ, как отец сына, и ему было важно, чтобы его слова были поняты и привели к правильным поступкам, в то время как ответы на праздные вопросы о будущем неизменно наполнялись метафорами, сравнениями, омонимами, серьезно усложнявшими их понимание – бог принимал дерзкий вызов и показывал, чем может закончиться состязание с ним на равных.

Вспомним рассказ Геродота о сифнийцах. Золотые и серебряные рудники Сифноса приноси-

ли жителям острова большие доходы, сифнийцы преуспевали и благоденствовали, они даже воздвигли в Дельфах свою собственную сокровищницу, и тут им пришлось в голову спросить оракул, на долгое ли время останется у них нынешнее благополучие. И Пифия дала им такой ответ:

«Все же, когда пританей белостенным на Сифносе будет
И агора белобровой, то следует умному мужу
Не пропустить деревянной засады и вестника в красном».

Уже в то время у сифнийцев пританей и агора были отделаны паросским мрамором. Но они не смогли понять смысл прорицания ни сразу, ни даже тогда, когда к острову подошли самосцы — они приплыли на деревянных кораблях, окрашенных суриком в красный цвет, — и попросили ссудить им десять талантов. Сифнийцы ответили отказом, после чего самосцы разорили их остров, разбили их войско, и в итоге сифнийцы выплатили им выкуп в сто талантов (III 57) [4: 306–307], [9; II: 29–30].

Однако поднять вопрос о будущем жителей города могла заставить и некая безвыходная ситуация, например, надвигающаяся смертельная опасность, как это произошло с афинянами при приближении войска Ксеркса. Тогда, испытывая крайнюю нужду в божественной помощи и сознавая, что вынуждены нарушить неписанный запрет на вопрошение о будущем, послы афинян просителями входят в храм с оливковыми ветвями и свое обращение к Аполлону строят не как вопрос со всей его конкретностью, а как самую общую просьбу: «Владыка! Изреки нам нечто лучшее о нашей родине, уважив вот эти оливковые ветви, с которыми мы пришли. Иначе мы не уйдем из храма, но останемся здесь на этом самом месте, пока не умрем» (Hdt. VII 141). В ответ Пифия возвестила им знаменитый оракул о «деревянной стене», который, несмотря на его образный язык (ведь речь все же шла о будущем), был истолкован правильно и привел к победе в Саламинской битве [4: 316–317], [9; II: 41–42].

Таким образом, знание прошлого и настоящего принадлежало миру людей, поэты и писатели черпали из него сюжеты для своих произведений, с вопросом о нем можно было спокойно обращаться к оракулам. Знание будущего принадлежало миру богов, и только отдельные его фрагменты в определенных обстоятельствах могли быть приоткрыты смертным. Представление о трех временных составляющих мирового знания нашло отражение в эпической формуле всеведения (богов или избранных пророков): *τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα* — знать «и настоящее, и грядущее, и свершившееся» (Hom. II. I 70; Hes. Theog. 38).

ТЕЗИС ТРЕТИЙ

Будущее, озвученное в виде возвещенного в храме совета о предпочтительной тактике поведения, уже не подлежало пересмотру и считалось строго предопределенным. Это вытекает опять же из неписаных законов дельфийского благочестия²: обратившись за помощью к богу и получив его ответ, человек не мог передумать и выбрать другой путь, даже если осознал ошибочность заданного вопроса.

Именно в таком положении оказался, по его собственному свидетельству, Ксенофонт. Когда Проксен, связанный с ними давними узами гостеприимства, пригласил его приехать к нему в Сарды и познакомиться с Киром Младшим, Ксенофонт обратился за советом к своему наставнику Сократу, и Сократ, опасаясь, как бы дружба с Киром, помогавшим лакедемонянам в войне с Афинами, не навлекла на Ксенофонта обвинения в измене родине, убедил его отправиться с этим вопросом к Дельфийскому оракулу. Прибыв в Дельфы, Ксенофонт

«вопросил Аполлона, кому из богов принося жертвы и молясь он прекраснейшим и наилучшим образом может пройти тот путь, который замышляет, и, благополучно завершив его, остаться невредимым, и Аполлон возвестил ему, каким богам следует приносить жертвы».

Вернувшись домой, Ксенофонт рассказал о полученном прорицании Сократу,

«а тот, услышав, стал укорять его, что не спросил сначала о том, выгоднее ли ему отправиться в путь или остаться, но сам решил, что следует ехать, и спросил о том, как наилучшим образом он может совершить это путешествие».

То есть Сократ сразу понял, что, внешне вроде бы просто сместив акценты, его ученик на самом деле подменил требующий божественного решения вопрос на другой и в итоге спросил бога совсем не о том, о чем надлежало спросить. Но здесь важно, какой единственный выход видит Сократ из сложившейся ситуации. Он не предлагает Ксенофонту снова отправиться в Дельфы и задать правильный вопрос — что, с нашей современной точки зрения, кажется столь легким и логичным, — а лишь с покорностью констатирует необходимость подчиниться уже начерченному богом будущему: «Но раз уж ты таким образом спросил, следует делать все то, что приказал бог». И Ксенофонт тоже не пытается спорить с назначенной судьбой: он приносит жертвы богам, которых указал Аполлон, и отправляется в Малую Азию (Anab. III 1, 4–8) [4: 248], [9; II: 74–75].

Бывали и редкие случаи, когда Аполлон был вынужден сформулировать и тем самым закре-

характер и могут быть применены в качестве ответа на различные вопросы. Каждое такое изречение дает оценку намерения просителя (а вот планы-то у всех людей были разные): оно сообщает ему, каким окажется результат задуманного мероприятия, и советует, какие действия следует предпринять для благополучного исхода. Иными словами, текст таких изречений создает картину будущего из соединения конкретного описания отдельных грядущих событий и выраженных императивом повелений что-то сделать или от чего-то воздержаться: в одних изречениях эти составляющие присутствуют в равных пропорциях, в других – какое-то одно может превалировать.

Прорицания оракулов по пяти астрагалам в силу своей длины обладали большими возможностями для передачи информации. Например, в надписи с оракулом по пяти астрагалам из писидийского города Адады [6: 61–67] бросок, посвященный Афродите, одобрял планы просителя:

«В путь, куда хочешь, отправься – довольный
домой возвратишься,
Все обрета и исполнив, что в мыслях своих ты
задумал.
Милости все же ищи Афродиты и сына Майады» (11).

Также и бросок, посвященный Мену Светоносному, советовал вопрошавшему начать задуманное дело и обещал ему благополучное завершение:

«Смело! Момент наступил. Что желаешь,
исполнишь, достигнешь.
В путь отправляйся! Для трудных свершений
удачное время.
Благо – и дело начать, и борьбу, и судебную тяжбу» (51).

Напротив, бросок Мойр советовал обратившемуся за помощью отказаться от безнадежных замыслов и предлагал для них возможную альтернативу:

«Дело, которым ты занят, не делай, ведь лучше
не будет.
Если труды изнурят, все окажется тяжким
и тщетным.
Дальние страны ступай посмотреть, и беды
не случится» (3).

Бросок Зевса Керавния вообще жестко требовал воздержаться от имеющихся намерений:

«Сделать по замыслу, что ты задумал, сейчас
невозможно –
Выгоды нет ведь тебе от поездки к чужому народу,
Да и покупка – ты сам убедишься – полезной
не будет» (30)⁶.

Отдельные изречения для большей убедительности прибегали к традиционной поэтической

образности. Так, бросок, посвященный Тюхе Спасительнице, в надписи из расположенного на ликийско-писидийском пограничье города Китанавры [6: 86–91] воспользовался вот таким сравнением:

«Груды у той, что рождает младенца, доселе сухие,
Снова набухли теперь, молоко изливая обильно.
Вскоре плоды обретешь, о которых меня
вопрошаешь» (19).

Тогда как в надписи из писидийского города Кремна [6: 70–77] бросок Посейдона описывал тщетность усилий просителя следующим образом:

«Бьешь ты копытом стрекало, от волн изнуряешься
встречных,
Рыбу в пучине ты ищешь – спешить перестань
с этим делом.
Пользы ведь нет для тебя беспокоить богов
неуместно» (14).

Изречения алфавитного оракула подчинялись тем же правилам, но должны были выразить всю суть божественного совета всего в одном стихе. Например, первые строки алфавитного оракула из сельского святилища, расположенного возле деревни Анбарджик на землях города Кибире, выглядят так [2: 44], [6: 245]:

«А – ‘Все замыслы свершишь успешно’, – молвит бог.
В – Немного выжди – время не пришло твое.
Г – Земля воздаст тебе отборный плод за труд.
Δ – Чурайся страшных дел, чтоб вред не претерпеть.
Ε – Посев законных браков жаждешь ты собрать»⁷.

Алфавитный оракул из святилища Эвримедонта и Кибелы, расположенного на землях писидийского города Тимбриады [6: 268–269], побуждал вопрошавшего приступить к воплощению своих планов, например, такими изречениями:

«Ε – Гекате веря, с большей смелостью иди.
Ζ – Взыскуешь тайное, прольет же Тюхе свет.
Ν – Из непроглядной полночи возникнет свет.
Χ – Нежданную ты радость вскоре обретешь».

И, наоборот, этот же оракул удерживал от опрометчивых решений и предупреждал об опасности, например, в следующих изречениях:

«Γ – Как пахарь, ты змею за пазуху кладешь.
Ρ – Течениям навстречу не пытайся плыть.
Τ – Богам коль не угодно, и не спрашивай.
Υ – Для подозренья повод есть, но страх уйми»⁸.

Таким образом, малоазийские астрагальные оракулы демонстрируют нам развитие, пусть бытовое и упрощенное, традиционного для предшествующих веков греческой истории принципа представления будущего в пророческой речи. Индивидуальное будущее отдельного человека трансформируется в них в обобщенно-индиви-

дуальное будущее, то есть будущее, которое благодаря обобщающему, недетализированному преподнесению может принадлежать по отдельности многим разным людям. При этом подачу этого будущего вполне можно было бы назвать нарративно-императивной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы попытались обобщить те представления древних эллинов о будущем, которые нашли отражение в их мантическом искусстве. Это искусство эллины называли ἡ μαντική τέχνη, под-

черкивая тем самым его принадлежность к семье многочисленных ремесел, каждое из которых занимало свое определенное место в жизни античного общества. Будущее фактически было для прорицателя тем же, что и глина для гончара или доски для корабеля, то есть было основным материалом его ремесла, и поэтому именно изучение законов мантики позволило сформулировать изложенные выше тезисы. И все же привлечение к рассмотрению других сторон эллинской жизни могло бы, вероятно, эти выводы как дополнить, так и скорректировать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эта книга в силу ее значимости была переведена на русский язык: Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе / Пер. Л. Б. Сумм. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.
- ² Все приводимые в статье переводы с древнегреческого языка – как прозаические, так и поэтические – выполнены автором статьи.
- ³ Боги тоже владели знанием о будущем не в равной мере: то, что знали одни, было под запретом для других. Вспомним, как в гомеровском гимне к Гермесу Аполлон, отказывая Гермесу открыть ему предопределенные судьбы, говорит: «А пророческое знание, которое ты, милый питомец Зевеса, просишь, не суждено познать ни тебе, ни кому-либо другому из бессмертных, ибо это ведает лишь разум Зевса. Я же, поручившись, кивнул головою и поклялся нерушимой клятвой, что, кроме меня, никто другой из вечноживущих богов не узнает обдуманного решения Зевса. И ты, брат мой с золотым жезлом, не проси, чтобы я открыл тебе судьбы, сколь многие замышляет широкогремящий Зевс» (533–540). Однако эта тема сейчас в наше рассмотрение не входит.
- ⁴ О взаимосвязи задаваемого оракулу вопроса и получаемого ответа см.: Приходько Е. В. Оракулы в раннеклассической греческой литературе // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 191–197.
- ⁵ Подробно см.: Приходько Е. В. «Приветствуй дар, посылаемый богом!», или о неписанных законах дельфийского благочестия // СТЕΦΑΝΟΣ: Сборник научных трудов. М.: РохНОУ, 2005. С. 345–359.
- ⁶ Полный текст и поэтический перевод этой надписи можно найти в работе: Приходько Е. В. Оракул по пяти астрагалам из города Адады в Писидии // Труды кафедры древних языков. Вып. IV / Отв. ред. А. В. Подосинов // Труды исторического факультета МГУ. Вып. 83. Серия III. Instrumenta studiorum: 27. М.: Индрик, 2016. С. 72–166.
- ⁷ Полный текст и поэтический перевод этой надписи опубликован на стр. 259–261 в работе: Приходько Е. В. Скальное святилище с алфавитным оракулом на земле Кибире // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. XII. 2015. С. 218–279.
- ⁸ Изречения алфавитного оракула из святилища Эвримедонта и Кибелы на русском языке публикуются впервые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приходько Е. В. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.
2. Corsten Th. Ein neues Buchstabenorakel aus Kibyra // Epigraphica Anatolica. 28. 1997. S. 41–49.
3. Curnow T. The oracles of the ancient world: A comprehensive guide. London: Duckworth, 2004. 180 p.
4. Fontenrose J. The Delphic oracle: Its responses and operations with a catalogue of responses. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1978. 476 p.
5. İplikçioğlu B. Die Inschriften von Korydalla / Tituli Asiae Minoris. Vol. II². Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti. Fasc. I. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2021. 113 S.
6. Nollé J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München: Verlag C. H. Beck, 2007. 331 S.
7. Onians R. B. The origin of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time, and fate. New interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian beliefs. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. 602 p.
8. Parke H. W. The oracles of Apollo in Asia Minor. London; Sydney; Dover, New Hampshire: Croom Helm, 1985. 272 p.
9. Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic oracle. Vols. I–II. Oxford: Blackwell, 1956. 436, 271 p.
10. Talloen P. Cult in Pisidia. Religious practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the rise of Christianity. (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology 10). Turnhout: Brepols Publishers, 2015. 412 p.

Поступила в редакцию 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023

Original article

Elena V. Prikhodko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
aristonica@list.ru

ANCIENT GREEKS' PERCEPTIONS OF THE FUTURE IN THE MIRROR OF DIVINATION

Abstract. The purposes of the article are to identify and summarize the ancient Greeks' perceptions of the future, drawing on the results of the author's long-term study of the literary and epigraphic sources on ancient Greek divination. This research includes a general interpretation of the meaning of the events described in the literature which were related to the situation of consulting an oracle, a study of the principle of oracle contexts formation, and the lexical-semantic analysis of the terms used for divination. Based on the sources of the archaic and classical period, the author formulates three main theses reflecting the fundamental principles according to which the ancient Greeks assessed the future and built their relations with it: two types of the future (with one being concrete, one's own and close, and another being indefinite, alien and distant); an unwritten prohibition to ask oracles about the future; and the inability to change the future presented in the response given as advice. Then the author expands the time frame and formulates the fourth thesis that reflects the development of these concepts during the period of the Roman Empire in Asia Minor dice oracles and alphabetical oracles: the description of future events was combined with advice expressed in the form of an order forming a non-individualized presentation of the future in a narrative-imperative form. Each thesis is formulated as a conclusion accompanied by brief illustrative material.

Key words: perceptions of the future, mantic terms, Delphic oracle, chresmologoi, question to an oracle, response of an oracle, dice oracle of Asia Minor, alphabetical oracle

For citation: Prikhodko, E. V. Ancient Greeks' perceptions of the future in the mirror of divination. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.883

REFERENCES

1. Prikhodko, E. V. Twofold treasure. The art of divination in ancient Greece: mantic in terms. Moscow, 1999. 592 p. (In Russ.)
2. Corsten, Th. Ein neues Buchstabenorakel aus Kibyra. *Epigraphica Anatolica*. 1997;28:41–49.
3. Curnow, T. The oracles of the ancient world: A comprehensive guide. London, 2004. 180 p.
4. Fontenrose, J. The Delphic oracle: Its responses and operations with a catalogue of responses. Berkeley; Los Angeles; London, 1978. 476 p.
5. İplikçioğlu, B. Die Inschriften von Korydalla. *Tituli Asiae Minoris*. Vol. II². Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti. Fasc. I. Wien, 2021. 113 S.
6. Nollé, J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München, 2007. 331 S.
7. Onians, R. B. The origin of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time, and fate. New interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian beliefs. 2nd ed. Cambridge, 1954. 602 p.
8. Parke, H. W. The oracles of Apollo in Asia Minor. London; Sydney; Dover, New Hampshire, 1985. 272 p.
9. Parke, H. W., Wormell, D. E. W. The Delphic oracle. Vols. I–II. Oxford, 1956. 436, 271 p.
10. Talloen, P. Cult in Pisidia. Religious practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the rise of Christianity. (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology 10). Turnhout, 2015. 412 p.

Received: 15 December 2022; accepted: 16 January 2023